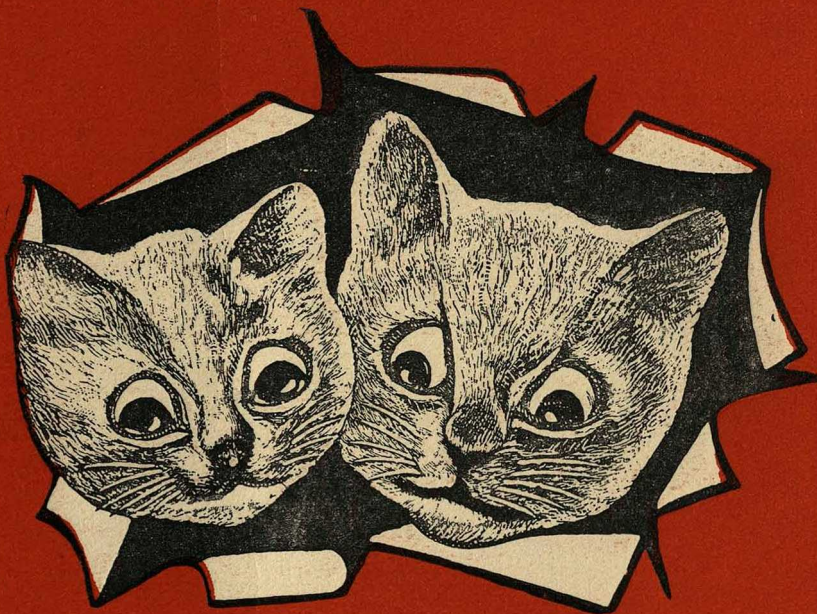

Годъ изданія пятый.

ОКТАБРЬ.

№ 23.

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ОКТАБРЬ.
СТАРЫЙ ВОЛКЪ.
ОДНИ (повѣсть).
ГЛУБОКАЯ ОСЕНЬ.
КОЕ-ЧТО О НАСЪКОМЫХЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Пристань на Волгѣ—для склеиванія.
Выкройка платья для дѣвочки. □

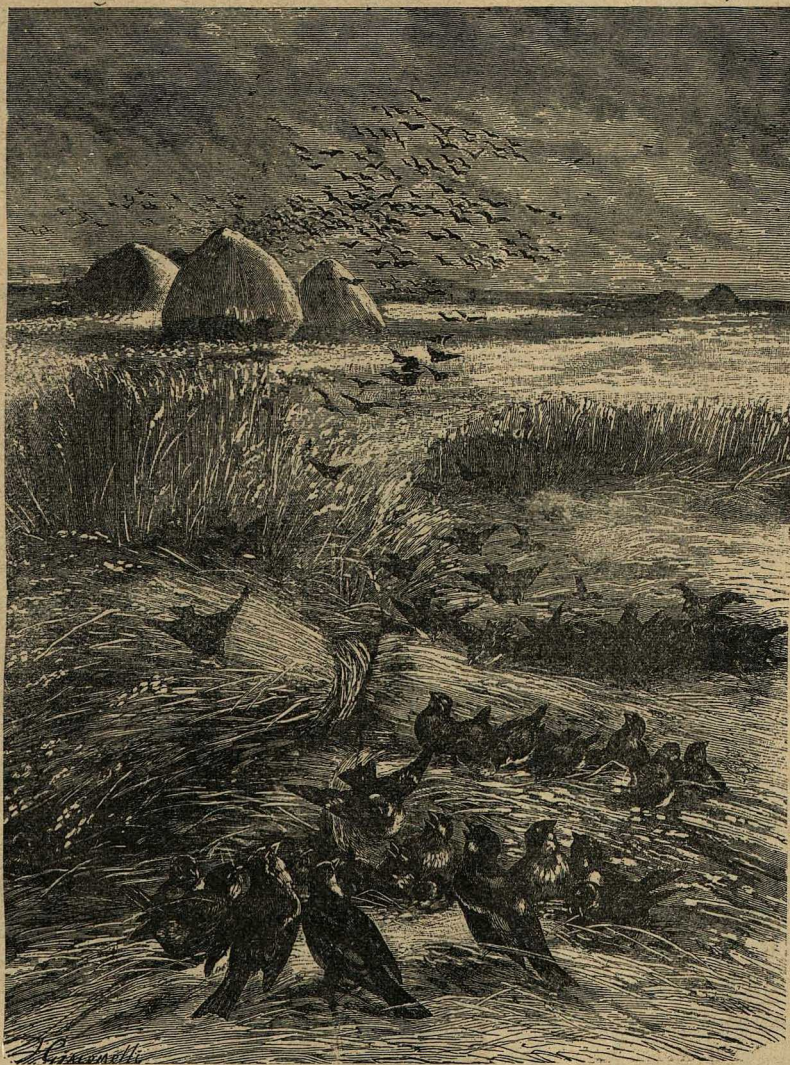
№ 23. Октябрь, 1912.

Годъ издания V-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

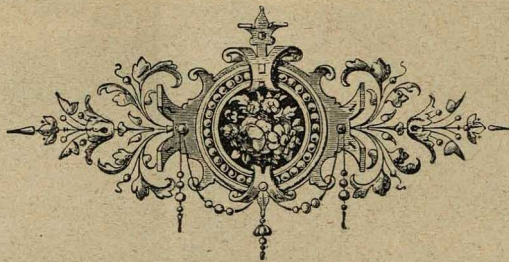
Передъ отлетомъ.

ОКТАБРЬ.

Поблекли листья. Какъ тоскливо! Ужъ не летаютъ паутинки,
 Повсюду лужи и вода, Не видно даже сонныхъ мухъ
 Съ утра туманно и дождливо И только рѣдкія снѣжинки
 И начались ужъ холода. Порой срываются, какъ пухъ.

Бушуетъ ночью непогода, Что день, то хуже все и хуже,
 Деревья вѣтеръ книзу гнетъ Дожди и день, и ночь идутъ
 И плачетъ бѣдная природа, И отъ осенней острой стужи
 Дождемъ на землю слезы льетъ. Не знаешь, гдѣ найти пріютъ.

Ужъ птичекъ нѣтъ. Однѣ лишь И лѣсъ стоитъ печальный, голый,
 галки И каплетъ дождь съ его вѣтвей...
 Еще летаютъ, да кричатъ О, гдѣ-же птицій шумъ веселый
 И отъ цвѣтовъ на клумбахъ палки И гдѣ ты, милый соловей?
 Кой-гдѣ забытыя торчатъ. Кузнечикъ.

СТАРЫЙ ВОЛКЪ.

Была глубокая осень. Шелъ и какаду. Въ разбросанныхъ кое-частый мелкій дождь. Въ зоологическомъ саду было пустынно, гдѣ по саду клѣткахъ сидѣли, наголившись, звѣрки и звѣрюшки и голыя деревья гудѣли вершинами и угрюмо, безнадежно глядѣли отъ вѣтра и повсюду стояли лужи. сквозь рѣшотки.
 Слышно было, какъ гдѣ-то вдаль- „Зачѣмъ насъ сюда посадили“? кѣ, въ низенькомъ, каменномъ, об- казалось, думали они.— „Кому мы здѣсь нужны?“
 лѣзломъ зданій рыкали голодные Въ большой клѣткѣ съ асфаль- львы, уже помѣщенные сюда на тывымъ поломъ бѣгали назадъ и впе- зиму, да кричали гдѣ-то, тоже редь волки, стараясь промяться, и убранные отъ холодовъ, попугаи

жалобно скулили. Въ самомъ углу, весь грязный, съ всклокоченной, пожелтѣвшей шерстью, лежалъ старый волкъ и, положивъ свою острую морду на переднія лапы, о чемъ-то мучительно думалъ. Выраженіе его глазъ было печально и по щекамъ текли слезы. Онъ изрѣдка глубоко вздыхалъ.

— О чемъ ты такъ тоскуешь? обратился къ нему молодой волкъ.

— Умираю, отвѣтилъ онъ. — Я прожилъ уже 15 лѣтъ, а дольше этого срока волки не живутъ. Конечно, смерть будетъ для меня освобожденіемъ отъ страданій, но мнѣ грустно, что такъ глупо протекла моя жизнь. Ты въ неволѣ еще съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, ты въ клѣткѣ и выросъ, а я знаю, что такое свобода, и умѣю ее цѣнить...

— А развѣ здѣсь худо? спросилъ молодой волкъ. — Вѣдь тебѣ каждый день даютъ ѣсть и пить...

— О, ты не знаешь, что значитъ быть свободнымъ, бѣгать, куда захочешь, быть тѣмъ, чѣмъ создалъ тебя Господь! Ты не знаешь, что значитъ голубое небо, безбрежный просторъ полей, что значать тихое весеннее утро и злобная, могучая метель. Ты попалъ сюда еще щенкомъ, я помню, когда тебя принесли сюда и бросили къ намъ въ клѣтку. Тебя подобралъ какой-то охотникъ, когда ты былъ еще слѣпъ, и пожертвовалъ тебя нашему зоологическому

саду. Съ тѣхъ поръ ты бѣгаешь назадъ и впередъ по этой клѣткѣ, видишь передъ собою довольныя лица зѣвакъ, слышишь, какъ гремитъ оркестръ и не даетъ намъ спать, и тебѣ кажется, что такъ и надо... Неволья пріучаетъ ко всему.

Молодой волкъ задумался.

— Мнѣ иногда снится, что я бѣгаю по полямъ и лѣсамъ, сказалъ онъ, — но это только бываетъ во снѣ. Расскажи мнѣ твою жизнь!

Старый волкъ поднялся, встряхнулъ свою полинявшую, свалывающуюся шерсть и снова улегся въ уголъ.

— Я родился далеко на сѣверѣ, началъ онъ, въ Новгородской губерніи. Насъ было у матери шестеро щенятъ. Всѣ мы родились слѣпыми и не видѣли свѣта цѣлые 21 день. Когда-же я прозрѣлъ то увидѣлъ себя среди обширнаго болота въ частомъ кустарникѣ, гдѣ наша мать устроила намъ логовище и устлала его сухой травой. Радость наполнила наши сердца. Мнѣ захотѣлось возиться, прыгать, сдѣлать что-нибудь такое, что доставило-бы удовольствіе и другимъ. И вотъ мы всѣ шестеро подняли возню. Мы играли точно такъ-же, какъ и щенки у собакъ: мы лаяли, визжали, старались притворно другъ друга укусить, а мать сидѣла поодаль, смотрѣла на насъ своими косыми глазами и была довольна. Наигравшись, мы

подбѣжали къ ней, сососали ея молочка и улеглись около нея спать. Намъ было тепло и отъ ея тѣла, и отъ того, что мы лежали, тѣсно прижавшись одинъ къ другому. И все время мать лизала насъ, чистила на насъ шерстку и старалась насъ приласкать. Такъ потекли для насъ дни за днями.

Въ отличіе отъ собакъ, мы развивались очень медленно. Неуклюжіе, головастые, мы еще долго оставались маленькими щенятами, сосали материнское молоко и не умѣли сами себѣ добывать кормъ. Только на третьемъ мѣсяцѣ наша мать стала убѣгать отъ насъ и приносить намъ то мышку, то ящерицу, то кузнечика, то лягушку. Мы ѣли ихъ и они казались намъ очень вкусными. Однажды мать убѣжала отъ насъ за кормомъ и вдругъ возвратилась къ намъ вся въ крови.

— Что съ тобой? испугались мы.

— Сейчасъ я встрѣтилась съ охотникомъ, съ тревогой отвѣтила она намъ. — Онъ выстрѣлилъ въ меня, ранилъ меня въ ногу, но я успѣла отъ него уйти. Навѣрное, онъ найдетъ по слѣдамъ дорогу и сюда и убьетъ и васъ. Надо поскорѣе васъ спасти.

И она тотчасъ-же стала зализывать себѣ рану на ногѣ и кровь скоро перестала изъ нея идти.

— Такъ всегда дѣлайте и вы, обратилась она къ намъ. — Наша

слюна обладаетъ свойствомъ быстро останавливать кровь.

Затѣмъ она взяла каждого изъ насъ въ зубы и поочередно перенесла въ другое мѣсто.

— Тутъ будетъ безопаснѣе! сказала она и засунула насъ въ чью-то опустѣвшую нору.

Когда она несла въ зубахъ меня, то вдалькъ мы увидели охотника и собаку.

— Тише! прошептала мать. — Пусть они пройдутъ!

И она плотно прижалась животомъ къ землѣ, подобравъ подъ себя меня.

— Я скорѣе умру сама, чѣмъ выдамъ тебя, сказала она.

Охотникъ прошелъ совсѣмъ близко отъ насъ. Позади него бѣжала его собака. Она совершенно была похожа на нашу мать.

— Мама, сказала я, — вѣдь это тоже волкъ!

— Тссс!.. шепнула она. — Волкъ отличается отъ собакъ тѣмъ, что у него раскосые глаза, всегда торчатъ уши и никогда не бываетъ хвостъ задранъ кверху крючкомъ.

Мы помѣстились въ норѣ и тихо затѣмъ доживали въ ней наше дѣтство. Кругомъ насъ были густые безконечные лѣса, за ними тянулись пустыри, похожіе на степи, и мы выходили съ нашей матерью на далекія прогулки и только на ночь возвращались къ себѣ въ нору. Она учила насъ ловить звѣрковъ, насѣкомыхъ и

даже рыбъ въ рѣчкахъ и когда наступила наконецъ осень, то мы были уже взрослыми волками и могли сами себѣ добывать ѣду.

— Ну, теперь вы уже большіе, дѣтки! однажды обратилась она къ нимъ. — Теперь я уже больше вамъ не нужна! Прощайте.

Она взмахнула хвостомъ, высунула языкъ на лѣвую сторону и убѣжала отъ насъ навсегда. Мы еще долго стояли на одномъ мѣстѣ и смотрѣли ей въ слѣдъ. Насъ было трое братьевъ и трое сестеръ. Сестры отличались отъ насъ, братьевъ, тѣмъ, что у нихъ были морды острѣе, чѣмъ у насъ.

— Что-же мы теперь будемъ дѣлать? задалъ я вопросъ.

— Давайте разбѣжимся въ разные стороны! сказалъ мой братъ.

И мы разбѣжались. Я долго бѣжалъ одинъ, самъ не зная куда, и испытывая мучительное чувство голода. Я бѣжалъ цѣлыя сотни верстъ и, благодаря этой моей подвижности, мнѣ нужно было много пищи, которую необходимо было себѣ добыть. И я ѣлъ все, что попадалось мнѣ на пути: бѣдныхъ зайцевъ, которыхъ я хваталъ прямо за спину и сжиралъ вмѣстѣ съ шерстью, лягушекъ, ужей и даже растенія и корешки.

Затѣмъ повалилъ свѣгъ и все кругомъ превратилось въ бѣлую, безжизненную пустыню. Настали морозы. Теперь добыть для себя

пищи представлялось дѣломъ мудренымъ и приходилось пускаться на хитрости. Я то и дѣло сталъ встрѣчаться съ другими такими-же голодными волками, какъ и я. И всякій разъ, встрѣчаясь, мы обнюхивали другъ друга, знакомились и болѣе уже не расходились до самой весны.

— Будемъ друзьями! говорили мы. — Давайте бѣгать стаей!

И мы стали дѣлать все сообща. Чуткіе, какъ собаки, хитрые, находчивые, смѣлые, мы стали совершать наши набѣги на крестьянскія стада. Чтобы никто не могъ понять, сколько насъ было, мы всегда шли длинной вереницей, одинъ за другимъ, стараясь попадать лапами какъ разъ на слѣды своего передняго товарища, чтобы человекъ подумалъ, что насъ было не двадцать, а всего только одинъ. Передній былъ всегда нашимъ вожакомъ. Мы жили, какъ близкіе товарищи, и если одинъ изъ насъ попадалъ въ бѣду, то мы выручали его всѣ. Идя такъ одинъ за другимъ, мы выслѣживали слѣды другихъ животныхъ и всегда безошибочно могли угадать, какое животное прошло по снѣгу впереди насъ: такъ хорошо у насъ чутье. Если комунибудь изъ насъ одному удавалось стащить у крестьянина барана или овцу, то онъ взваливалъ ихъ къ себѣ на спину и бѣжалъ съ ними стремглавъ въ безопасное мѣсто. Конечно, всѣ

товарищи разсыпались при этомъ въ разныя стороны, но я не помню случая, когда-бы волкъ съѣлъ свою добычу одинъ. Самъ голодный такъ, что едва волочилъ отъ слабости ноги, онъ не прикасался къ своей добычѣ, сзывалъ къ себѣ воемъ своихъ разбѣжавшихся товарищей, до тѣхъ поръ, пока они не собирались къ нему всѣ до одного. Тогда начиналась всеобщая ѣда.

Однажды мы были голодны такъ, что еле держались на ногахъ. Трещалъ морозъ, была ночь. Мы озябли, намъ хотѣлось согрѣться, но голодъ гналъ насъ все впередъ и впередъ и мѣшалъ намъ забраться куда-нибудь въ нору, подъ стогъ сѣна или вообще куда-нибудь въ тепло. Мы тянулись вереницей и жалобно выли на разные голоса. Такъ мы вышли въ лѣсъ и сѣли кучкой у большой дороги.

— Стой, сказала одинъ изъ нашихъ товарищей.—Я чую добычу. Кто-то ѣдетъ!

И дѣйствительно, мы скоро увидѣли лошаденку, запряженную въ сани. Далеко впереди нея шель мужичекъ и палкой нащупывалъ въ снѣгу путь. Лошадка плелась за нимъ порожнемъ. Когда мы голодны, то дѣлаемся отчаянными и смѣлыми, но человекъ мы всегда боимся. Пропустивъ мужика мимо себя, мы выждали, когда его лошадка поровнялась съ нами и сдѣ-

лали стойку, чтобы на нее напасть. Она почувяла насъ, зафыркала и шарахнулась въ сторону. Товарищъ далъ намъ сигналъ и мы всѣ бросились на нее со всѣхъ сторонъ. Но въ это время человекъ вдругъ обернулся, снялъ изъ за плечей ружье и выпалилъ изъ него въ насъ. Двое изъ насъ повалились, а всѣ мы, какъ ни были голодны и смѣлы, въ ужасѣ бросились бѣжать.

— Хорошо-же! услышалъ я за собою голосъ человека.— Я вамъ отплачу.

Онъ подобралъ двухъ убитыхъ имъ волковъ, съѣлъ въ сани и поѣхалъ далѣе, а мы вереницей побрели ни съ чѣмъ.

И крестьянинъ скоро намъ отплатилъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ онъ устроилъ въ лѣсу волчью яму и я въ нее попалъ. Я шель по лѣсу и вдругъ увидѣлъ привязанную къ дереву живую овцу. Я подкрался къ ней и хотѣлъ ее схватить, но въ это время почувствовалъ, какъ провалилась подо мною земля и какъ я падаю куда-то внизъ. Крестьянинъ выкопалъ яму, забралъ ее сверху хворостомъ, присыпалъ снѣгомъ и я не замѣтилъ этого и провалился. Въ ужасѣ, щелкая зубами, голодный и полный ненависти къ самому себѣ, что я такъ глупо поймался, я бѣгалъ безпомощно по ямѣ и не могъ изъ нея выскочить. вмѣстѣ со мною бѣгала по ея

дну и несчастая овца, провалившаяся туда-же вмѣстѣ со мною, но я уже не трогалъ ея, такъ какъ въ испугѣ волки не трогаютъ никого и мы оба вмѣстѣ не знали, что дѣлать и какъ выпрыгнуть изъ ямы на свободу.

Настало утро. Послышались голоса и къ нашей ямѣ подошло четверо человѣкъ.

— Есть! воскликнулъ кто-то и я узналъ своего мужика. — Поймался! Да еще какой большой и красивый!

— Глянь, дядя, отвѣтилъ ему другой мужикъ. — И овца цѣла! Вотъ чудеса!

И они набросили мнѣ на шею арканъ, затянули его такъ, что у меня все помутилось въ головѣ, и вытащили меня изъ ямы. Когда же я очнулся и открылъ глаза, то увидалъ себя въ большомъ ящикѣ со щелями, сквозь которыя ко мнѣ пробивался свѣтъ. Мнѣ хотѣлось ѣсть и пить. Отъ аркана у меня болѣла шея, такъ что я не могъ повернуть головы.

— Что-же ты, дядя, будешь съ нимъ теперь дѣлать? услышалъ я опять знакомый голосъ.

— Я отвезу его въ городъ и продамъ въ звѣринецъ, отвѣтилъ ему мой мужичокъ.

И съ этой минуты начались мои страданія. Меня повезли въ городъ и скоро я оказался въ желѣзной клѣткѣ, въ тѣсотѣ и духотѣ. Передо мной до поздней ночи мель-

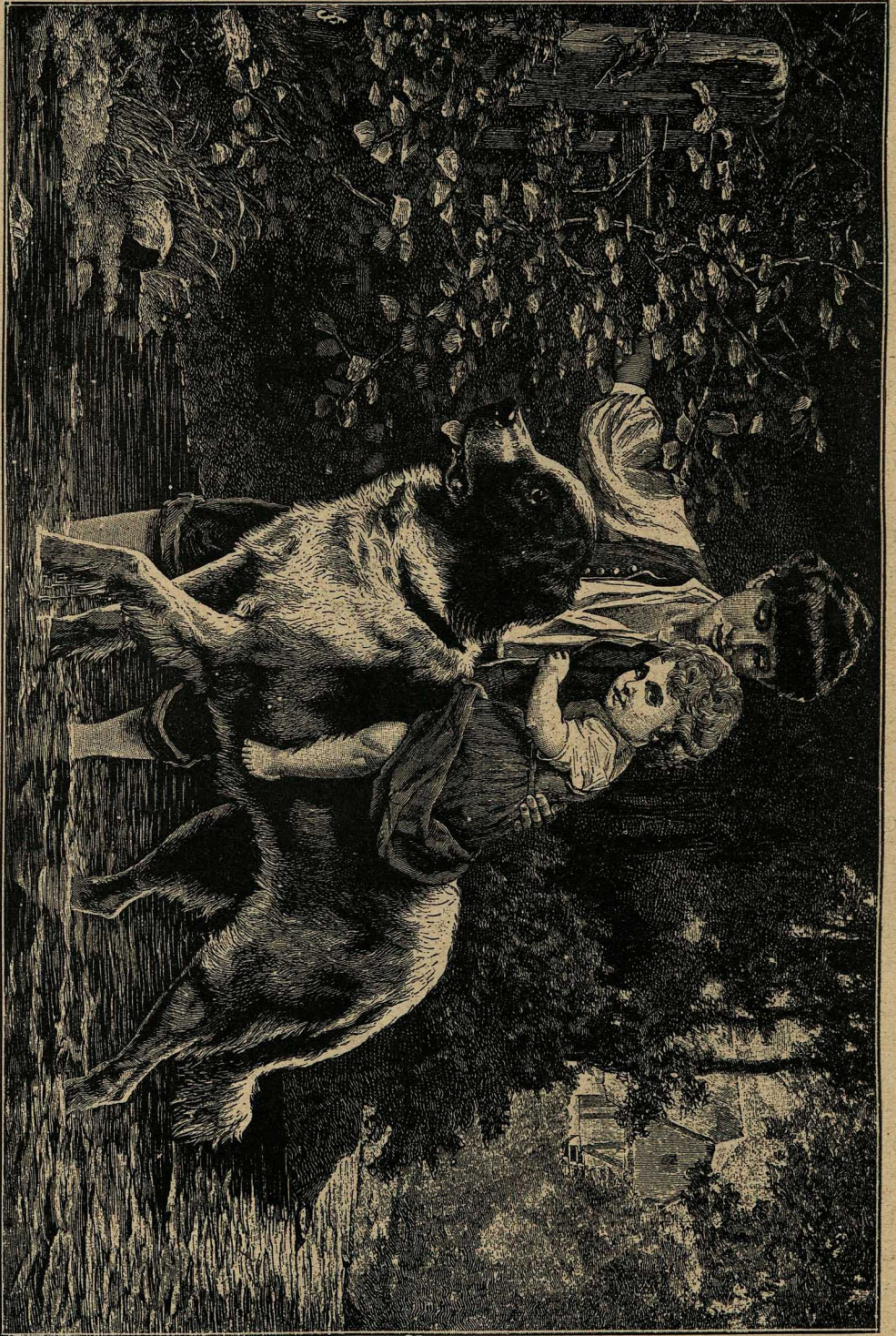
кали огни отъ лампъ, сбоку меня играла вѣчно шарманка и мѣшала мнѣ спать, кругомъ меня рыкали другіе звѣри, такіе же несчастные, какъ и я, которыхъ я боялся, или жалобно пищали такіе, которые боялись меня. Насъ мало кормили, поили скверной водой, а праздная публика смотрѣла къ намъ въ клѣтки, платя за это деньги, и безжалостно дразнила меня палками, которыя просовывала ко мнѣ сквозь прутья рѣшетки, и била меня по спинѣ. Я сталъ худѣть. Шерсть на мнѣ свалялась, я весь облѣзъ, и отъ красиваго когда-то волка во мнѣ не осталось ничего.

Такъ продолжалось около восьми лѣтъ. Насъ перевозили изъ города въ городъ, то въ темномъ вагонѣ по желѣзной дорогѣ — и тогда я боялся шума колесъ и страдалъ отъ головокруженія, а то на лошадахъ — и тогда я жадно вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ полей, проникавшій ко мнѣ сквозь щели моей тюрьмы. А затѣмъ меня привезли сюда...

Старый волкъ глубоко вздохнулъ и замолчалъ.

— Ну, и что-же далѣе? спросилъ его молодой волкъ.

— А далѣе было то, что ты знаешь уже самъ! продолжалъ старый волкъ. — Я не видѣлъ свободы уже больше никогда, составился въ неволѣ и вотъ скоро уже умру! Ко мнѣ медленно, но

Первый вывадь.

На берегу пруда.

неумолимо приближается смерть и мнѣ не страшно умирать, а только грустно за одно, зачѣмъ такъ жестоко челоуѣкъ? Зачѣмъ ему нужны наши страданія, зачѣмъ онъ платитъ деньги, чтобы на нихъ смотрѣть, и держитъ насъ, свободныхъ звѣрей, взаперти? Кому это нужно? Зачѣмъ нужно, чтобы я умиралъ здѣсь въ неволѣ, въ этомъ сыромъ углу, въ обществѣ такихъ-же несчастныхъ, облѣзлыхъ и замученныхъ волковъ, какъ и вы?

Онъ смолкъ и закрылъ глаза. Молодой волкъ вздохнулъ и отбѣжалъ отъ него прочь.

По прежнему шелъ дождь, гудѣлъ вѣтеръ и было сыро и неуютно кругомъ. Гдѣ-то сбоку ревѣлъ фабричный гудокъ и на постройкѣ, по ту сторону забора, двое рабочихъ, перебивали молотами рельсъ.

Старый волкъ прижалъ уши, чтобы не слышать этихъ звуковъ, и еще плотнѣе зажмурилъ глаза. Затѣмъ онъ заснулъ.

Ему снились его родныя болота, лѣса и поля и далекое дѣтство, когда онъ былъ счастливымъ и не думалъ ни о чемъ.

С. Вершининъ.

В о л к ѣ .

О Д Н И.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Проснувшись рано, Вѣрочка и Коля увидали себя въ совершенно новой обстановкѣ. Свѣтило солнце, было какъ - то необыкновенно свѣтло, по прежнему откуда-то сбоку доносился шумъ водопада и совсѣмъ почти близко, гдѣ-то за перегородкой, блеяли козы. Они вскочили, одѣлись и вышли въ сосѣднюю комнатку. Тамъ уже былъ накрытъ чистою скатертью столъ, на немъ были разставлены чашки и ложки, лежали хлѣбъ, яйца и сыръ, и въ большомъ очагѣ пылалъ огонь. Кипѣлъ, какъ и вчера, громадный мѣдный чайникъ.

— Здравствуйте! слышался вдругъ веселый, знакомый голосъ.— Ну, какъ вамъ спалось?

Дѣти обернулись и увидали передъ собой мадмуазель-Амели. Она стояла передъ ними уже въ своемъ швейцарскомъ костюмѣ и показалась имъ совсѣмъ другою, не такою, какою была раньше.

— Гдѣ-бы намъ умыться, мадмуазель? обратилась къ ней Вѣрочка.

— Умыться? А вотъ гдѣ!

И мадмуазель вывела ихъ на дворъ къ колодцу.

— Вотъ здѣсь... указала она.— Прямо изъ колодца! Вода чистая, холодная!..

Они умылись и сразу повеселѣли. Кругомъ нихъ открывалась роскошная панорама, одна изъ тѣхъ, которыя такъ рѣдки на землѣ и которыя заставляютъ человѣка молиться Богу и долго, въ безмолвіи, стоять на одномъ мѣстѣ и испытывать восторгъ. Глубоко подъ ними на далекіе десятки верстъ спускалась долина, на которой тамъ и сямъ виднѣлись деревни съ остроконечными колокольнями церквей, мимо которыхъ голубыми лентами тянулись рѣки и яркими, узенькими полосками, точно змѣйки, извивались шоссе. Позади нихъ начинались вѣчные снѣга, яркіе, какъ алмазъ, на которые было больно смотрѣть. Кругомъ обступили со всѣхъ сторонъ горы, то зеленыя, то лиловыя, то голубыя, а то прозрачныя, какъ вуаль. Одинокій орелъ парилъ надъ пропастью и казалось, что онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ и не двигалъ ни однимъ перомъ. Начинаясь гдѣ-то далеко въ снѣгахъ водопадъ, катился мимо селенія яркимъ, хрустальнымъ ручьемъ и затѣмъ съ шумомъ срывался въ пропасть. Несмотря на то, что свѣтило жаркое солнце, съ горъ, отъ снѣговъ, тянуло холодкомъ.

— У насъ здѣсь никогда не бываетъ жарко, сказала мадмуазель.—Мы здѣсь такъ высоко, что уже недалеко до ледниковъ. Вотъ это шоссе, которое вы видите вдаль и которое проходитъ мимо нашихъ воротъ, тянется изъ Швейцаріи въ Италію и разъ въ недѣлю по нему проѣзжаетъ дилижансъ, который привозитъ намъ письма и газету. Иногда здѣсь проходятъ путешественники и дядюшка-Жакъ служитъ имъ проводникомъ. Онъ отлично знаетъ мѣстность. А вотъ и Мистраль!

Съ громкимъ визгомъ и лаемъ къ дѣтямъ бросился вдругъ Мистраль. Громадный, больше самихъ дѣтей, онъ ласково скулилъ вокругъ нихъ, лизалъ имъ руки и смотрѣлъ на нихъ добрыми, почти дѣтскими глазами.

— Мистраль!.. Мистраль!.. стали ласкать его дѣти.—Славная, хорошая собака!..

Вышла на крыльцо мать въ большомъ бѣломъ накрахмаленномъ чепцѣ и кликнула ихъ завтракать. Они вбѣжали въ домъ, сдѣлали ей реверансъ, она всѣхъ ихъ перецѣловала и усадила за столъ.

— Садитесь, ангелочки! сказала она.—Вотъ вамъ картофель, вотъ яйца, вотъ сыръ... Но прежде помолитесь Богу.

Она сложила руки ладонями вмѣстѣ, прочитала по-французски молитву, сдѣлала передъ распя-

тіемъ реверансъ и съ благоговѣніемъ сѣла за столъ. Они поѣли, выпили по чашкѣ бульона, который былъ налитъ изъ мѣднаго чайника, и дѣтямъ показалось страннымъ, что не было утренняго чая, но они были сыты и довольны и весело выбѣжали на дворъ. Ихъ занимало все: и снѣговыя вершины горъ, и козы, и глубокія пропасти, зіявшія сбоку шоссе, и то, что ихъ мадмуазель-Амели какъ-то сразу здѣсь преобразилась. Здѣсь она ходила въ крестьянскомъ платьѣ, сама доила козъ, рубила дрова, и мыла по суду и стирала бѣлье. Вмѣстѣ со своей матерью мадамъ-Шарлоттой она вставала чуть свѣтъ и тотчасъ-же принималась за работу. Съ ранняго утра и до поздняго вечера эти двѣ женщины трудились, не покладая рукъ, и дѣтямъ нравились эта чистота и простота жизни, которая окружала ихъ со всѣхъ сторонъ. Они и сами помогали мадамъ - Шарлоттѣ, чѣмъ могли: заматали комнаты, подбрасывали въ очагъ дрова и исполняли тѣ маленькія, но многочисленныя порученія, которыхъ бываетъ такъ много въ каждой бѣдной, но трудолюбивой семьѣ. А когда наступало воскресенье, то всѣ они шли пѣшкомъ въ церковь, гдѣ дѣти слушали органъ и проповѣдь пастора, и никто не отличилъ-бы ихъ отъ швейцарскихъ дѣтей, такъ какъ привезен-

ные ими костюмчики давно были заботливо спрятаны въ сундукъ и замѣнены мѣстными.

— Кто знаетъ? говорила мадмуазель-Амели своей матери.—Быть можетъ, скоро вернется изъ плаванія ихъ отецъ и потребуетъ ихъ къ себѣ въ Россію... Въ чемъ я ихъ тогда повезу?..

И все время, пока дѣти находились въ Швейцаріи, за ними неотступно слѣдовалъ Мистраль. Когда они спали, онъ лежалъ тутъ-же въ углу и чутко оберегалъ ихъ покой; когда они гуляли въ горахъ, онъ сопровождалъ ихъ и всегда шелъ съ той стороны, гдѣ была опасность, чтобы во время ихъ поддержать; когда они отправлялись въ сосѣдную деревушку за солью или за мукой, то впрягали его въ телѣжку и онъ съ серьезнымъ видомъ везъ ихъ покупки домой. Это былъ большой ребенокъ, принимавшій участіе въ ихъ играхъ и раздѣлявшій ихъ радость и горе. Съ перваго-же дня онъ привязался къ нимъ всей своей собачьей душой и эта его привязанность была замѣтна всѣмъ.

— Смотрите! говорили сосѣди, указывая на него.—Какъ собака умѣетъ чувствовать, кто несчастенъ! Эти дѣти—сироты, ихъ отецъ уѣхалъ далеко и неизвѣстно, когда вернется,—и эта собака тотчасъ-же взяла ихъ подъ свое покровительство!

Вѣрочкѣ и Колѣ было пріятно,

что здѣсь ихъ всѣ любили и сожалѣли объ ихъ одиночествѣ. Но тайная мысль безпокоила ихъ души и заставляла ихъ иногда глубоко вздыхать. Какъ-то вечеромъ, когда они ушли спать, они вдругъ услышали за перегородкой разговоръ мадамъ-Шарлотты съ мадмуазель Амели.

— Боже мой, говорила мадамъ-Шарлотта,—во всемъ домѣ у насъ нѣтъ ни одного сантима денегъ! Я не знаю, чѣмъ мы будемъ дальше жить! Когда ты служила въ Россіи, то ты присылала мнѣ сюда небольшія суммы и все было хорошо. А теперь стало ужасно тяжело. Бѣдныя дѣти тоже хотятъ ѣсть и мнѣ грустно, что я не могу имъ дать яицъ! Бѣдняжки! Они заѣхали сюда такъ далеко и живутъ на чужой сторонѣ...

Мысль о томъ, что у мадамъ-Шарлотты нѣтъ денегъ, наводила на счастье Вѣрочки и Коли тѣнь и часто они перешептывались между собою и рѣшали, какъ имъ быть.

— Знаешь, что? вдругъ сдѣлала открытіе Вѣрочка.—Я продамъ кому-нибудь медальонъ мамы и отдамъ деньги мадмуазель!

— Но кому ты его здѣсь продашь?

— Какъ кому? А дядюшкѣ-Жаку!

И, снявъ съ шеи медальонъ, Вѣрочка взяла за руку Колю и они отправились къ сосѣду. Мистраль послѣдовалъ за ними.

— Здравствуйте, дядюшка-Жакъ! бойко обратилась къ старику Вѣрочка.— Не купите-ли вы у насъ этотъ золотой медальонъ?

Дядюшка-Жакъ осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ медальонъ.

— А на что вамъ деньги? задалъ онъ вопросъ.— Что вы хотите на нихъ купить?

Вѣрочка и Коля смутились и опустили глаза.

— Видите-ли, дядюшка-Жакъ... созналась Вѣрочка.— У мадамъ-Шарлотты нѣтъ денегъ, такъ что ей не на что даже купить хлѣба и яицъ. Мы слышали ея разговоръ съ мадмуазель-Амели и намъ очень-бы хотѣлось имъ помочь!.. Когда мадмуазель жила въ Россіи, то она присылала ей оттуда небольшія суммы, а теперь имъ стало ужасно тяжело!

Дядюшка-Жакъ вышелъ въ соседнюю комнату, вынесъ дѣтямъ золотую монету, а медальонъ оставилъ у себя.

— Хорошо, сказалъ онъ,— я покупаю у васъ этотъ медальонъ.

Они взвизгнули отъ радости и, схвативши монету, со всѣхъ ногъ побѣжали къ себѣ домой.

Мадамъ-Шарлотты не было дома, а мадмуазель доила въ сарайчикѣ козъ. Вѣрочка оглянулась по сторонамъ, убѣдилась, что за ней никто не наблюдаетъ, и сунула монету подъ подушку къ мадамъ-Шарлоттѣ. Затѣмъ оба они убѣжали на дворъ.

Полчаса спустя, возвратившаяся мадамъ-Шарлотта полѣзла подъ подушку за ключами и нашла тамъ монету. Радости и удивленію ея, казалось, не было границъ. Откуда взялись у нея эти 20 франковъ? Неужели это подсунула ей ихъ какая-то добрая фея? Не упали-ли они съ неба? Она кликнула къ себѣ мадмуазель-Амели и онѣ еще долго удивлялись вмѣстѣ и радовались своей находкѣ. А затѣмъ старушка отправилась въ ближайшее селеніе, накупила тамъ соли, муки, сыру и яицъ и съ торжественнымъ видомъ вернулась обратно.

— Это намъ послалъ за наше терпѣніе Господь! сказала она дочери.— Навѣрное я когда-нибудь обронила эти деньги и вотъ они теперь случайно нашлись!

Но въ эту минуту къ нимъ вошелъ дядюшка-Жакъ и протянулъ къ мадмуазель-Амели Вѣрочкинъ медальонъ.

— Вотъ возьмите, мадмуазель, эту вещь! сказалъ онъ.— Поберегите ее хорошенько.

Мадмуазель-Амели всплеснула руками.

— Завѣтный медальонъ! воскликнула она.— Вѣрочка его потеряла? Спасибо вамъ, дядюшка-Жакъ, что вы его нашли и принесли!..

И она горячо пожала ему руку. Онъ лукаво улыбнулся.

— Нѣтъ, мадмуазель, сказалъ

онъ, — я его не нашель, а купиль!..
Что вы на это скажете?

Мадмуазель не знала, что подумать.

— И знаете, кто мнѣ его продалъ? Ваша воспитанница мадмуазель-Вѣра!

— Боже мой! только и могла воскликнуть мадмуазель-Амели.

— Святая Марія! всплеснула руками мадамъ-Шарлотта.

Но дядюшка-Жакъ разсказаль имъ, какъ къ нему пришли Вѣрочка и Коля, „эти прелестные русскіе ангелочки“, какъ повѣдали ему о томъ, что у мадамъ-Шарлотты нѣтъ ни одной копѣйки, и какъ по выраженію ихъ лицъ онъ могъ догадаться, что имъ хотѣлось ей помочь. Онъ самъ бѣденъ, онъ зналъ, что мадамъ-Шарлотта отъ него денегъ не возьметъ, но не могъ отказать дѣтямъ въ ихъ благородномъ желаніи помочь, и потому и согласился притворно купить у нихъ этотъ медальонъ. Теперь онъ его возвращаетъ и очень радъ, что оказалъ сосѣдкѣ помощь и въ то-же время удовлетвориль желаніе дѣтей...

И онъ направился къ выходу.

— Боже мой!.. воскликнула мадамъ-Шарлотта.—Вѣдь я уже потратила эти двадцать франковъ! Я купила на нихъ соли, яиць, сыру и муки! Что я теперь вамъ, дядюшка-Жакъ, отдамъ? Чѣмъ я вамъ заплачу?

Онъ повернулся къ ней и протянулъ ей руку.

— Я самъ бѣденъ, мадамъ-Шарлотта, сказалъ онъ,—но мнѣ пріятно, что мадмуазель Амели воспитала такихъ превосходныхъ, преданныхъ дѣтей. Не безпокойтесь! Когда-нибудь сочтемся! Я увѣренъ, что счастливые дни еще придуть!..

И онъ вышелъ изъ избышки. Мадамъ-Шарлотта и ея дочь долго стояли у порога, глядѣли ему вслѣдъ и молчали. А потомъ онѣ принялись каждая за свою работу.

Прибѣжали дѣтишки и, какъ ни въ чемъ не бывало, пощебетали, поиграли съ Мистралемъ, поужинали и улеглись спать. А когда они заснули, то мадмуазель Амели тихонько вошла къ нимъ въ комнатку и, подойдя къ Вѣрочкѣ, крѣпко прильнула къ ея лбу губами. Затѣмъ она достала изъ кармана медальонъ, осторожно надѣла ей его на шею, поцѣловала Колю и такъ-же тихонько, на цыпочкахъ, вышла изъ комнатки.

Утромъ Вѣрочка увидала на себѣ медальонъ и удивилась. Откуда могъ онъ взяться, когда только вчера она продала его дядюшкѣ-Жаку? Къ ней подбѣжалъ и Коля и, голенькіе, въ однихъ рубашкахъ, они долго вертѣли его въ рукахъ и оглядывали его со всѣхъ сторонъ.

— Да, да, это онъ самый! говорили они.—Вотъ и маминъ пор-

Скоро земля!

Знакомство.

треть! Но какъ-же онъ могъ вернуться къ намъ опять?

Цѣлый день затѣмъ они ходили, какъ тѣни, и все думали о таинственномъ возвращеніи медальона. Что, если они признаются во всемъ мадмуазель-Амели? Не объяснить ли она имъ того, что выше ихъ пониманія, и чего не въ состояніи постигнуть ихъ дѣтскія головки?

И они рѣшились посвятить во все мадмуазель. Краснѣя и заикаясь, они рассказали ей о своей продѣлкѣ. Конечно, они очень рады, что могли помочь хоть немного мадамъ Шарлоттѣ, но имъ даже страшно оттого, что они не могутъ никакъ понять, какимъ это образомъ къ Вѣрочкѣ возвратился обратно ея медальонъ?

Мадмуазель-Амели уже давно ожидала отъ нихъ этого признанія. Видя, какъ они озабочены чѣмъ-то и какъ цѣлый день ходятъ изъ угла въ уголъ и о чемъ-то шепшуются, при чемъ Вѣрочка то и дѣло хватается за медальонъ, она догадалась, въ чемъ дѣло, и готовила имъ отвѣтъ. Взявъ ихъ за руки, она вышла съ ними за ворота и повела ихъ вдоль по шоссе. Заходило солнце, вся долина внизу была ужъ въ тѣни, горы подернулись облаками и потемнѣли и только одни вѣчные снѣга наверху еще горѣли, какъ одинъ большой алмазь, и мѣняли свои цвѣта: то они были ярко-бѣлыми, то становились оранжевы-

ми, то переходили въ розовый цвѣтъ и наконецъ погасли и они. Она вела ихъ за руки, удаляясь все дальше и дальше отъ дому, пока наконецъ они не остались совершенно одни. Вокругъ нихъ поднимались голыя скалы, уходившія за облака, по нимъ цѣплялись старыя сосны, кривыя и изломанныя вѣтрами, а сбоку шоссе зіяли пропасти, на днѣ которыхъ клубился туманъ и шумно бѣжали потоки. Но мадмуазель-Амели была природная швейцарка, любила свои горы, не боялась одиночества на нихъ и здѣсь, гдѣ каждый камень говорилъ людямъ о Богѣ, объ его вѣчности и о безконечномъ пространствѣ вселенной, гдѣ каждая звѣзда на небѣ казалась ближе и горѣла ярче и какъ-бы говорила людямъ о другомъ загробномъ мірѣ, здѣсь она чувствовала всегда наплывъ своего безхитростнаго творчества и еще въ дѣтствѣ сочиняла сказки. Она не писала ихъ, не рассказывала ихъ никому, онѣ только на мигъ являлись къ ней въ голову и она тотчасъ-же забывала ихъ и, довольная, возвращалась домой. И теперь, идя съ дѣтьми по шоссе, она придумывала имъ отвѣтъ на мучившій ихъ вопросъ въ видѣ сказки, такъ какъ ей не хотѣлось разочаровывать ихъ и слишкомъ грубо и просто объяснять имъ то, что составляло для нихъ тайну. Ихъ первый самоотверженный по-

ступокъ, полный придуманной ими-же самими таинственности, требовалъ такого-же таинственнаго объясненія, иначе потерялъ бы для нихъ свою красоту и они не повторили-бы его еще разъ. И, чтобы сберечь навсегда эту вспыхнувшую въ ихъ дѣтскихъ сердечкахъ искру заботливости о другихъ и готовности на жертву, мадмуазель Амели замедлила шагъ и начала:—

— „Далеко-далеко отсюда, въ одной бѣдной семьѣ жила дѣвочка—сиротка, которая не такъ давно лишилась своей матери и не могла о ней забыть. Она молилась о ней, плакала, часто ходила на могилку и, цѣлуя на ней цвѣты, просила ихъ передать ей ея поклонъ. Послѣ матери у нея не осталось ничего, кромѣ золотого креста, который висѣлъ у нея на шеѣ. Она была бѣдна сама, ходила босикомъ и почти въ лохмотьяхъ; люди, у которыхъ она жила, тяжело нуждались и бывали случаи, когда имъ нечего было ѣсть. У нихъ былъ маленькій ребенокъ, который умиралъ и для котораго во всемъ домѣ не находилось ни одной капли молока. Богатые люди проходили мимо, не замѣчая ихъ нищеты, а бѣдные нуждались такъ же, какъ и они. Сиротка-дѣвочка не могла выносить этихъ страданий больного ребенка и часто приходила на могилку къ своей матери, жаловалась цвѣтамъ на свое

безсиліе и просила у нихъ совѣта, какъ поступить. И вдругъ глаза ея упали на висѣвшій у нея на шеѣ золотой крестъ.— „Я знаю, что мнѣ сдѣлать, рѣшила она.—Я схожу къ богатому человѣку, продамъ ему крестъ и деньги отдамъ ребенку на молоко“. И такъ, чтобы никто не зналъ, она побѣжала къ сосѣду и предложила ему купить у нея завѣтный крестъ. Тотъ осмотрѣлъ его и далъ ей денегъ, она взяла ихъ и, радостная, побѣжала къ себѣ домой и высыпала ихъ на столъ. Люди, у которыхъ она жила, обрадовались, купили на нихъ молока для больного ребенка, пригласили къ нему врача и поѣли и сами. Дѣвочкѣ было пріятно, что она помогла бѣднякамъ, но ей было какъ-то странно, что на шеѣ у нея уже не было ея любимаго креста и ей было грустно, что она не сберегла того, что оставила ей ея покойная мать. И часто, приходя на ея могилку и цѣлуя цвѣты, она просила ихъ передать ей отъ ней поклонъ и попросить ее, чтобы она не обижалась на свою дочь за то, что она продала за деньги свой крестъ“.

Мадмуазель Амели остановилась и перевела духъ. Вѣрочка заинтересовалась ея сказкой и съ нетерпѣніемъ спросила:—

— Ну, и что-же было потомъ?

— „Потомъ, продолжала мадмуазель, — видя неутѣшное горе дѣвочки, на землю слетѣлъ нѣжный,

свѣтлый ангелъ съ крыльями, легкими, какъ сонъ, и принявъ образъ человѣка, явился къ тому сосѣду, которому дѣвочка продала свой крестъ.— „Не продадите-ли вы мнѣ этого креста?“ обратился онъ къ нему.— „Я могъ-бы дать вамъ за него порядочную сумму“. — „Хорошо“, отвѣтилъ сосѣдъ и продалъ ангелу крестъ. Ночью, когда сверкали звѣзды, когда тихій вѣтерокъ цѣловалъ головки цвѣтовъ и когда на вершинахъ деревьевъ тихо перешептывались листочки и рассказывали другъ другу о томъ, что слышали за день отъ бабочекъ и пчелъ, ангелъ влетѣлъ въ комнатку къ дѣвочкѣ и тихонько надѣлъ ей на шею ея крестъ“...

Мадмуазель остановилась. Было уже темно, шумѣлъ по прежнему горный ручей и высоко на небѣ сверкали яркія звѣзды. Отъ горныхъ ледниковъ тянуло холодкомъ. Гдѣ-то далеко-далеко внизу на церковной колокольнѣ сторожъ пробилъ часы. Дѣти молчали, но по тому, какъ дрожали ихъ руки, мадмуазель поняла, что ея сказка достигла цѣли и что теперь они получили на свой вопросъ отвѣтъ.

— Ну, что-же? сказала она.— Пора и домой?

Такъ-же молча они послѣдовали за ней обратно.

Когда они пришли домой, то ихъ дожидалась у воротъ мадамъ-Шарлотта. Около нея стоялъ дя-

дюшка-Жакъ и держалъ передъ нею на рукахъ мотокъ шерсти. Она сматывала ее на клубокъ. Оба тихонько вели о чемъ-то разговоръ.

— Поздно, поздно!.. добродушно упрекнула мадамъ-Шарлотта свою дочь и дѣтей.— Уже давно погасъ очагъ и остылъ въ чайникѣ бульонъ!

И окончивъ мотанье, мадамъ-Шарлотта тяжело, по-старушечьи, поднялась съ мѣста.

— Прощайте, мадамъ-Шарлотта! обратился къ ней дядюшка-Жакъ.— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, дядюшка-Жакъ! отвѣтила она ему и направилась къ избушкѣ.

Вѣрочка отстала отъ другихъ, догнала сосѣда и схватила его за руку.

— Дядюшка-Жакъ! обратилась она къ нему и щеки ея запылали.

— Чего тебѣ, мое дитя? ласково спросилъ онъ у нея.

— Къ вамъ никто не приходилъ и никто не купилъ у васъ моего медальона?

Дядюшка-Жакъ, обрадовавшись, что она сама-же подсказала ему отвѣтъ, закивалъ ей головой и, стараясь придать себѣ какъ можно болѣе серьезный видъ, громко отвѣтилъ:—

— Да, да!.. Ко мнѣ приходилъ вчера вечеромъ какой-то молодой человѣкъ и купилъ у меня твой медальонъ! А что?

— Такъ, ничего! сказала она и

со всѣхъ ногъ побѣжала къ себѣ домой.

Ложась спать, она и Коля встали на колѣни на своихъ постеляхъ и, сложивши руки ладонями вмѣстѣ, долго молились Богу.

— Милый ангель, сказали они подь конецъ.—Слети къ намъ и въ эту ночь, но только сдѣлай такъ, чтобы мы тебя видѣли. Разбуди насъ! Мы очень хотимъ тебя поблагодарить!

Случай съ медальономъ окончательно сблизилъ дядюшку-Жака съ дѣтьми. Онъ нѣжно привязался къ нимъ, и какъ человѣкъ бездѣтный, жившій только со старухою матерью и сестрой и тяготившійся своимъ одиночествомъ, онъ сразу почувствовалъ къ нимъ влеченіе и скоро сталъ ихъ близкимъ другомъ. Они нравились ему своими искренностью и простотой и постоянной готовностью помочь ближнему. Онъ часто приглашалъ ихъ къ себѣ, вырѣзалъ имъ изъ дерева лодочки и дѣлалъ дудки. Вставши рано чуть свѣтъ, онъ водилъ ихъ въ горы, къ самымъ снѣгамъ и рассказывалъ имъ полныя захватывающаго интереса исторіи о томъ, какъ вотъ здѣсь-какой-то неизвѣстный путешественникъ упалъ въ пропасть вмѣстѣ со своей дѣвочкой-дочерью и пролежалъ подь снѣгомъ чуть не трое сутокъ. И если-бы его не почуялъ здѣсь Мистраль и не откопалъ-бы его изъ подь снѣга, то они остались-бы тамъ лежать

на вѣки. Тутъ вотъ, подь этой скалой, въ одну темную декабрьскую ночь Мистраль нашель полузамерзшаго мальчика лѣтъ шести и принесъ его на своей спинѣ къ теткѣ-Шарлоттѣ. А вотъ здѣсь года два тому назадъ застрялъ въ снѣгу дилижансъ, ѣхавшій изъ Генуи въ Бригъ, и если-бы не Мистраль, то его кучеръ никогда не нашель-бы дорогу въ Швейцарію. Зачуявъ дилижансъ еще издалека, добрая собака побѣжала къ нему навстрѣчу и вывела его на дорогу. О, Мистраль—умная, великодушная собака! Послѣ знаменитаго Барри, который за свою короткую жизнь спасъ 70 человѣкъ, погибавшихъ въ снѣгу, во всей Швейцаріи нѣтъ другой такой собаки, какъ Мистраль!

И все время Мистраль шелъ позади нихъ, добродушно вилялъ хвостомъ, смотрѣлъ на дѣтей ласковыми, большими глазами и велъ себя такъ, точно говорили не о немъ.

— Это шоссе ведетъ изъ Генуи въ Женеву, указалъ дядюшка-Жакъ, когда они достигли уже его высшаго подъема. По ту сторону—Италія, по сю—Швейцарія. Видите вы этотъ крестъ? Его поставилъ когда-то одинъ неизвѣстный монахъ, который сорвался вотъ съ этой скалы и спасся чудомъ. Вообще—это опасный путь. Когда не было еще Симплонскаго туннеля, то все движеніе происходило по

нему и случаи несчастій бывали часты.

Дѣти глядѣли по сторонамъ, слушали дядюшку-Жака, и имъ казалось, что они были въ сказочной странѣ. Они стояли на самой вершинѣ Альпійскихъ горъ и вся Швейцарія развертывалась подъ ихъ ногами.

— Ахъ, какъ здѣсь хорошо! вдругъ воскликнула Вѣрочка.— Какой здѣсь легкій, чистый воздухъ!.. Вотъ-бы папа былъ съ нами! Какъ-бы ему понравились эти горы и эти снѣга!..

Въ послѣднее время они все чаще и чаще вспоминали о своемъ отцѣ. Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Отчего онъ имъ не пишетъ? Знаетъ-ли онъ, что они здѣсь, у мадмуазель Амели? Они соскучались по нѣмъ и такъ жаждали его увидѣть. Ложась спать, они воображали себѣ бурное море, по которому плыветъ одинокій пароходъ—и на-немъ ихъ отецъ. Просыпаясь утромъ, они говорили другъ другу:—„Теперь папа уже приплылъ“... Они не знали, куда онъ плылъ и куда приплылъ, но имъ было пріятно о немъ думать и представлять себѣ его на берегу.

А Сергѣй Гаврилычъ уже который мѣсяцъ плавалъ то по Атлантическому океану, то по Средиземному морю, изъ порта въ портъ, и все думалъ о своихъ дѣтяхъ. Его удивляло, что ему никто не писалъ о нихъ, онъ посылалъ письма то къ

бабушкѣ, которой давно уже не было въ живыхъ, то къ сестрѣ и дядѣ-Митѣ, но всѣ его запросы оставались безъ отвѣта. Только полъ-года спустя, пріѣхавъ опять въ Англію, въ Кардиффъ, и зайдя на почту, онъ увидалъ уже давнымъ давно приколотую въ рамкѣ и ожидавшую его телеграмму отъ бабушки. Онъ получилъ ее, распечаталъ ее дрожащими руками и прочиталъ въ ней одно только слово „Вернись“. Почувявъ недоброе, онъ хотѣлъ было уже идти съ почты, какъ тутъ-же, на другомъ простѣнкѣ, въ другой витринѣ, увидѣлъ адресованное ему письмо. Оно тоже было отъ бабушки. На немъ уже пожелтѣлъ отъ времени конвертъ и выцвѣли чернила, но онъ узналъ ея старческой, неровный почеркъ. Прочитавъ письмо, онъ понялъ все. Значить, бабушка была опасно больна, быть можетъ уже умерла и онъ ничего этого не зналъ и не принялъ во время мѣръ, чтобы устроить безъ нея дѣтей. Полный волненія и дурныхъ предчувствій, онъ тотчасъ-же послалъ ей на хуторъ въ Россію срочную телеграмму. Черезъ пять часовъ онъ получила на нее отвѣтъ. Какой-то Семень Петровичъ сообщилъ ему, что бабушка уже умерла, что онъ вступилъ во владеніе ея хуторомъ и что дѣтей Сергѣя Гавриловича у него уже нѣтъ.

„Гдѣ дѣти?“ вторично телеграфировалъ ему Сергѣй Гавриловичъ.

„Гувернанка увезла ихъ къ себѣ на родину“, получился отвѣтъ.

Сергѣй Гавриловичъ вздрогнулъ. Боже мой, гдѣ онъ теперь найдеть своихъ дѣтей? Можетъ-ли онъ вспомнить, откуда была родомъ мадмуазель Амели? Говорила ли она объ этомъ ему хоть разъ?

Полный лихорадочнаго безпокойства, онъ возвратился къ себѣ на пароходъ и все думалъ и думалъ, стараясь вспомнить, гдѣ была родина гувернантки, и наконецъ вспомнилъ. Да, это дѣйствительно такъ! Это не подлежитъ сомнѣнію! Она была родомъ изъ Швейцаріи, изъ какой-то маленькой деревушки, гдѣ-то на самой вершинѣ Альпъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинаются вѣчные снѣга. Но какъ называлась эта деревушка? Брасси, Мусси, Трасси... Что-то въ этомъ родѣ! Ахъ, да, онъ вспомнилъ—это Брусси! Онъ еще помнитъ, какъ когда-то, чтобы не забыть это названіе онъ по созвучію словъ запомнилъ слово „брусокъ“.

— Брусси, Брусси... твердилъ

онъ и ходилъ по палубѣ взадъ и впередъ.

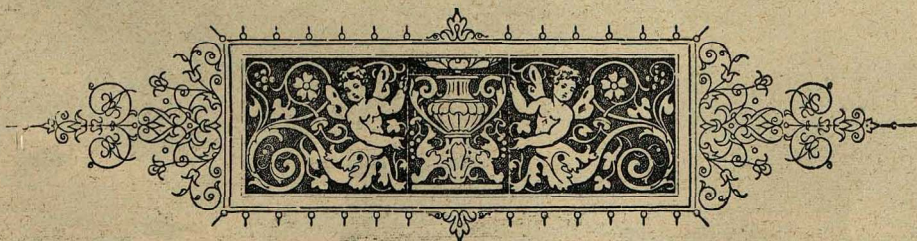
О, съ какимъ наслажденіемъ онъ бросилъ-бы свой корабль на произволь судьбы и помчался-бы въ Швейцарію, въ это самое Брусси, чтобы увидѣть дѣтей, прижать ихъ къ своему сердцу и заглянуть въ ихъ ласковые, довѣрчивые глаза!

Но бросить пароходъ было нельзя. Правда, черезъ двѣ недѣли онъ будетъ уже въ Генуѣ, онъ повезетъ туда грузъ угля и цѣлый мѣсяць простоитъ тамъ и будетъ чистить котель. Кажется, Швейцарія отъ Генуи недалеко, всего только какихъ-нибудь нѣсколько часовъ пути... Что, если онъ воспользуется этимъ и отложить свое свиданіе съ дѣтьми до пріѣзда въ Геную!... О, онъ сумѣетъ тогда найти ихъ, онъ пройдетъ всю Швейцарію пѣшкомъ и отыщетъ своихъ Вѣрочку и Колю, гдѣ-бы они тамъ ни находились!..

И онъ терпѣливо сталъ ожидать своего пріѣзда въ Геную.

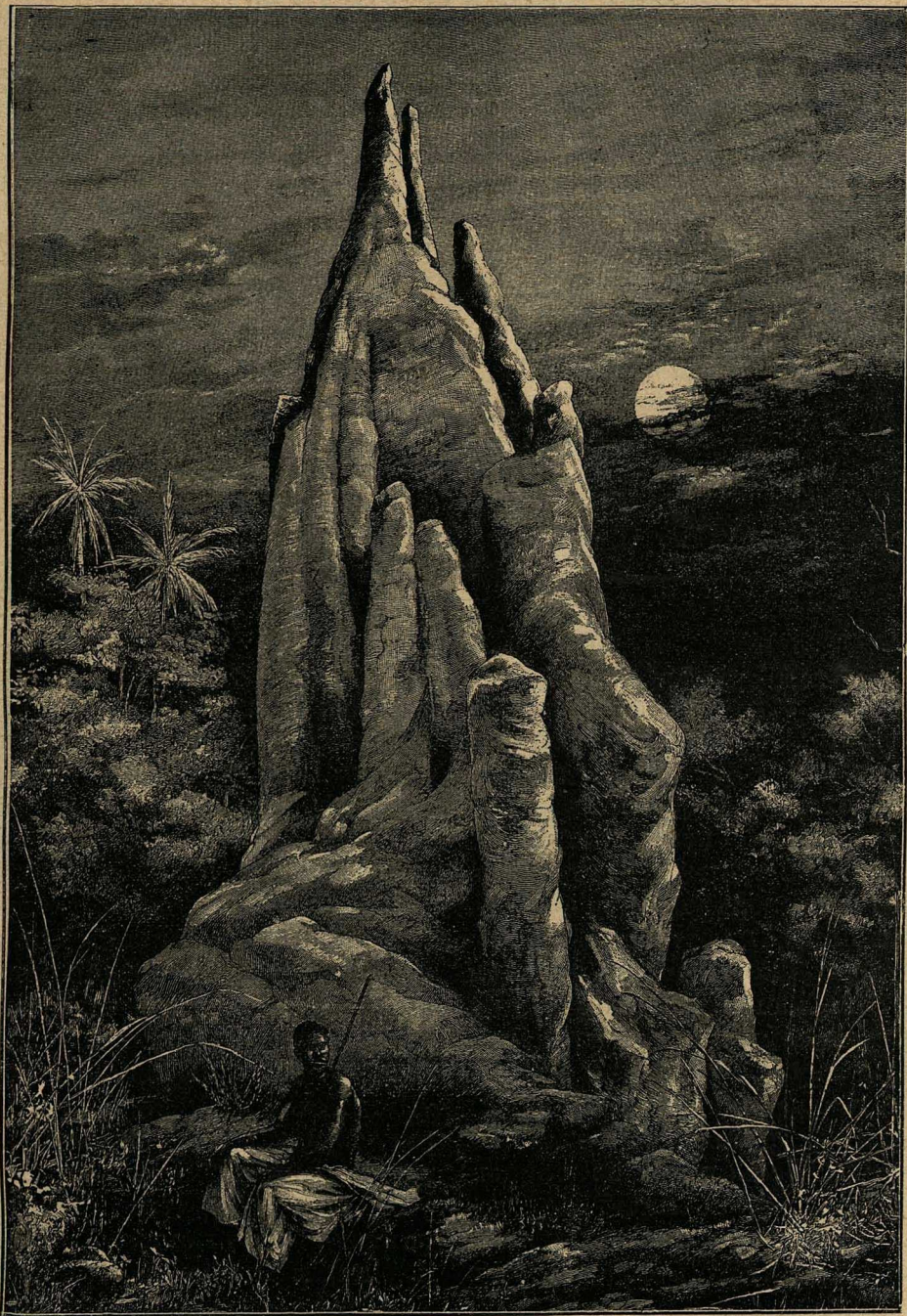
М. Б—скій.

(Окончаніе слѣдуетъ)¹

— Чей это хвост?

Жилище насекомых термитовъ въ Африкѣ.

ГЛУБОКАЯ ОСЕНЬ.

То дождь катится съ шумомъ въ трубахъ,
 То снѣгъ идетъ, то вдругъ морозъ,
 То ходятъ всѣ въ пальто, то въ шубахъ,
 — „Да что-жь надѣтъ?“ у всѣхъ вопросъ.

А дождь все льетъ, погода хуже,
 И холоднѣе съ каждымъ днемъ.
 Повсюду слякоть, грязь и лужи..
 Скорѣй, зима! Тебя мы ждемъ!

Но осень глубже, тучи ниже,
 Бушуетъ вѣтеръ у крыльца.
 Но все-жь зима ничуть не ближе
 И только дождикъ безъ конца.

Ирисъ.

КОЕ-ЧТО О НАСѢКОМЫХЪ.

Термиты.

Термиты—это особаго рода муравьи, которые встрѣчаются въ одной только Африкѣ. Почти со-всѣмъ похожіе на нашихъ муравьевъ, они по своимъ работамъ и по образу жизни напоминаютъ пчелъ, но гораздо ихъ искуснѣе. Живутъ они обществами и каждое общество въ свою очередь дѣлится на три совершенно непохожія одна на другую семьи. Первую семью составляютъ *работники*, среди которыхъ есть настоящіе инженеры и архитекторы, проводящіе глубоко подъ землею безконечныя галереи и кладовыя, куда термиты складываютъ свои матеріалы для построекъ и сѣстныхъ припасы; надъ этимъ подземнымъ городомъ они возводятъ еще высокія остроконечныя надземныя постройки. Вторую семью составляютъ *солдаты*, вооруженные роговымъ аппаратомъ на челюстяхъ, съ головою, почти равною по длинѣ всему ихъ тѣлу; этимъ аппаратомъ они пользуются, какъ человекъ шпагой. Обыкновенно они не живутъ въ самомъ гнѣздѣ, а ползаютъ вокругъ него, оберегая безопасность общаго жилища и защищая работниковъ отъ нападенія другихъ насѣкомыхъ и животныхъ. Третью семью составляютъ *благородныя*, или короли и королевы. Всѣ они снабжены крыльями. Изъ своей среды они выбираютъ *матку и отца*, а затѣмъ крылья у нихъ отпадаютъ или же они улетають въ другое мѣсто и устраиваютъ тамъ новыя колоніи. Какъ и у пчелъ, матка у термитовъ является родоначальницей всего населенія.

Термиты очень дѣятельны. То, что они могутъ создать и разрушить, — прямо невѣроятно. Вотъ

какъ описываетъ термитовъ ученый Маттеи, посѣтившій берега рѣки Нигера и натолкнувшійся на ихъ постройки:—

„Пройдя съ полчаса, говоритъ онъ,—я неожиданно наткнулся на какія-то странныя, но искусныя постройки, разбѣяныя по ровному мѣсту на пространствѣ сотни квадратныхъ метровъ (140 аршинъ). Всѣ онѣ были различной величины и разной формы, но всѣ были остро-конечныя, какъ сахарныя головы. Послѣдніе лучи жаркаго африканскаго солнца окрашивали эти странныя постройки въ огненный цвѣтъ, отчего вся мѣстность походила на фантастическое кладбище. Послѣ долгаго размышленія я съ безпокойствомъ приблизился къ этому таинственному мѣсту. Первая постройка, къ которой я подошелъ, представляла собою большой колоколь, удивительно искусно построенный, свыше сажени въ вышину и свыше четырехъ саженей въ окружности у основанія. Со всѣхъ сторонъ она была покрыта острыми камнями, сверкавшими на солнцѣ, и казалась необыкновенно прочной. Всѣ остальные постройки походили на эту и были такого-же роста. Тогда я догадался, что набрелъ на столицу термитовъ.

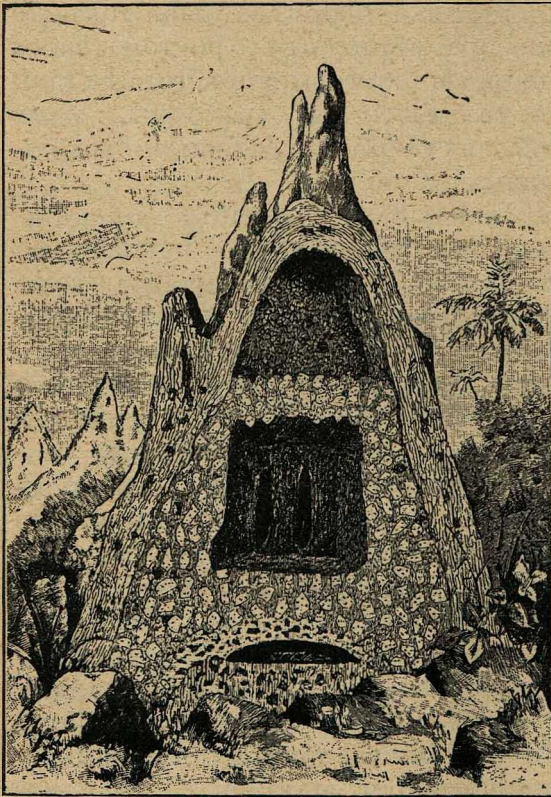
„Вернувшись домой, я узналъ отъ мѣстныхъ жителей, что эти постройки существуютъ здѣсь еще съ незапамятныхъ временъ и считаются священными, потому что на нихъ не дѣйствуютъ ни время, ни непогода. По ночамъ, когда свѣтитъ луна, онѣ кажутся имъ привидѣніями и они ихъ боятся. Вообще они стараются обходить ихъ какъ можно подале и по-

глядываютъ на нихъ съ суевѣрнымъ страхомъ“.

Насколько прочны постройки термитовъ, доказывается тѣмъ, что на нихъ смѣло могутъ удержаться нѣсколько человѣкъ. Термитникъ не колеблется даже и подъ тяжестью дикаго быка, который иногда взбирается на него, чтобы оглядѣть съ вышины окрестность и замѣтить, не спрятались-ли гдѣ-нибудь левъ, или тигръ? Стѣны термитника тверды, какъ камень. Толщина ихъ—около аршина. Сами-же термиты, выстроившіе эти громадныя постройки, представляютъ собою маленькихъ насѣкомыхъ съ желтоватыми или бѣлыми брюшками и съ длинными, темными тѣльцами, какъ у нашего муравья. Если-бы постройки человѣка были такъ-же несоразмѣрны съ его ростомъ, какъ и постройки термитовъ, то всѣ наши дома были-бы громадны, какъ цѣлая губернія, и заходили-бы крышами за облака.

Каждый термитникъ представляетъ собою нѣчто, похожее на колоколь. Подъ самымъ куполомъ находится большое помѣщеніе—чердакъ, въ которомъ скопляется отъ солнечныхъ лучей тепло и отсюда уже по особымъ трубамъ распространяется по всей постройкѣ. Это—своего рода центральное отопленіе. Подъ этимъ чердакомъ находится большая зала, въ которой происходятъ сборища термитовъ, а подъ нею, въ уровень съ землею, помѣщается низенькая, сводчатая спальня матки. Вокругъ этихъ трехъ большихъ комнатъ находятся маленькія камеры или магазины, въ которыхъ помѣщены особый порошокъ

и клейкое вещество, представляющее собою нечто вроде нашего цемента. Изъ нихъ-то термиты и строятъ свои постройки. Въ низенькомъ, сводчатомъ помѣщеніи всегда находятся матка и ея супругъ, которые представляютъ собою царя и царицу всей колоніи. Они всегда находятся въ заключеніи и пользуются всеобщимъ уваженіемъ. Тысячи рабочихъ толпятся вокругъ матки, кормятъ ее, и днемъ и ночью отбираютъ отъ нея снесенныя ею яички и относятъ въ особыя помѣщенія, гдѣ изъ нихъ въ послѣдствіи вылупляются личинки. Изъ личинокъ выходятъ куколки, а изъ куколокъ — благородные или крылатые

Термитникъ въ разрѣзѣ.

термиты. Тѣ термиты, у которыхъ почему-то крылья не отрастаютъ, становятся рабочими или солдатами. Матка отличается необыкновенно громаднымъ брюхомъ, такъ что не пролѣзаетъ ни въ одинъ изъ входовъ или выходовъ въ термитникъ и самую судьбою осуждена весь свой вѣкъ не выходить изъ своей кельи. Ни одинъ термитъ не поворачивается къ ней задомъ: въ ея присутствіи всѣ они и входятъ и выходятъ всегда къ ней лицомъ. Всѣ термиты, за исключеніемъ матки и ея мужа — слѣпы. Кромѣ солдатъ, которые вооружены и которыхъ приходится на каждую сотню рабочихъ всего лишь двое, всѣ остальные беззащитны и потому всегда прячутся и дѣйствуютъ тайкомъ. Изъ своего жилища они выползаютъ на свѣтъ божій только тогда, если у нихъ не хватаетъ съѣстныхъ припасовъ. Тогда они набрасываются на все, что попадаетъ имъ на пути, и производятъ громадныя опустошенія. Этими набѣгами они приводятъ въ ужасъ человѣка. Мѣстные жители боятся и ненавидятъ ихъ и для этого имѣется много основаній: такъ, одинъ негръ, имѣвшій деревянную ногу, остановился на ночлегъ вблизи термитника. Каково-же было его удивленіе, когда, проснувшись утромъ, онъ не нашелъ вовсе своей деревянной ноги: вмѣсто нея валялись однѣ только мелкія стружки, всю ее за ночь источили термиты. Они сокрушаютъ своими челюстями все: столбы и стропила жилищъ, отчего цѣлые дома падаютъ отъ простого порыва вѣтра; въ одну ночь они истачиваютъ всю

домашнюю обстановку, такъ что, проснувшись, мѣстные жители не знаютъ, на чемъ сѣсть. Книги, кожа, бѣлье — это ихъ любимая пища, когда они забираются въ поселенія людей, а это они дѣлаютъ часто, такъ какъ совершаютъ далекія прогулки отъ своихъ жилищъ. Но удивительнѣе всего то, что послѣ такихъ набѣговъ термитовъ всегда легко замѣтить лишь произведенныя ими опустошенія, самихъ-же насѣкомыхъ рѣдко кто можетъ видѣть. Они совершаютъ свою сокрушительную работу тайкомъ, незамѣтно, нападаая цѣлыми обществами, но какъ-то изумительно умѣя прятаться и не попадаться на глаза, не смотря на всю стремительность и быстроту ихъ работы. Въ какой-нибудь часъ они истачиваютъ въ домѣ всѣ столы, стулья и шкафы. Такъ, въ одномъ домѣ кучка термитовъ источила въ одну ночь всю ножку стола снизу вверхъ, проточила самый столъ, влѣзла въ лежавшій на немъ чемоданъ, съѣла въ немъ книги, сапоги и бѣлье и, проточивши другую ножку стола сверху внизъ, уползла черезъ полъ къ себѣ въ термитникъ. Но бываетъ и такъ, что, источивши весь деревянный домъ, термиты заполняютъ оставленныя ими пустыя пространства тѣмъ веществомъ, изъ котораго дѣлаютъ свои жилища, — и тогда изъ деревяннаго домъ дѣлается прочнымъ, какъ каменный. Это поняли многіе негры. Они дѣлаютъ въ свою очередь набѣги на жилища термитовъ, разрушаютъ ихъ, выбираютъ изъ нихъ порошокъ и клейкое вещество, о кото-

рыхъ упомянуто выше, и строятъ изъ нихъ для себя хижины. Европейцы-же прямо берутъ куски термитника и возводятъ изъ нихъ для себя цѣлые двухъэтажные дома. Такіе дома, выстроенные ими изъ крѣпкаго, пористаго вещества термитника, отличаются всегда сухостью и тепломъ. Конечно, при этомъ никогда не обходится безъ сраженія человѣка съ термитомъ — солдатомъ.

Солдаты исключительно заняты защитой гнѣзда. „Во время нападенія, говоритъ Л. Фигье, — при первомъ-же ударѣ киркой въ гнѣздо, разъяренные солдаты выбѣгаютъ наружу и, бросаясь на человѣка, вонзаютъ въ него свои острые клещи. Впившись въ тѣло, они не отрываются отъ него и легче задавить термита, чѣмъ вытащить его изъ своей кожи. Поэтому голые негры всегда устремляются въ бѣгство; европеецъ-же удаляется только тогда, когда всѣ его брюки покрываются кровавыми пятнами“.

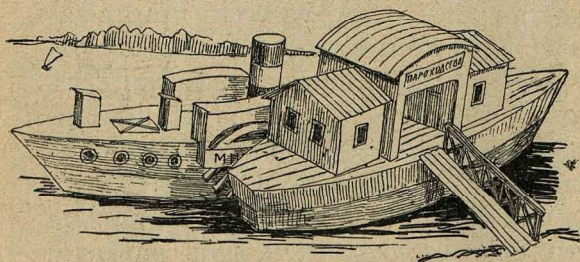
Прогнавъ непріятеля, солдаты начинаютъ стучать о землю своими клещами. Тотчасъ-же имъ особымъ, чуть слышнымъ свистомъ, отвѣчаютъ изъ подъ земли рабочіе термиты. Солдаты повторяютъ свой стукъ и тогда рабочіе выползаютъ наружу и принимаютъ за починку гнѣзда. Они тотчасъ-же начинаютъ замѣшивать изъ порошка и жидкости маленькіе шарики и заклеивать ими сдѣланныя отверстія. Солдаты уходятъ, оставивъ изъ своей среды только нѣкоторыхъ для защиты работниковъ. Эти нѣкоторые часто окликаютъ ихъ своимъ стукомъ,

а тѣ отвѣчаютъ имъ своимъ свистомъ, точно желая удостовѣрить другъ друга, что все спокойно. Если-же спокойствіе вновь нарушается и человѣкъ возвращается, то тогда всѣ термиты бросаются къ выходамъ и замазываютъ ихъ, причемъ солдаты съ удвоенной яростью щиплютъ за ноги нападающихъ. Замазавъ наружные ходы, термиты бросаются внутрь и начинаютъ замазывать со всѣхъ сторонъ такъ-же и келью своей матки. Но, конечно, это не всегда помогаетъ: часто, несмотря на уколы солдатъ, человѣкъ все-таки раскалываетъ по кускамъ жилище термитовъ, чтобы выстроить изъ нихъ домъ для себя, и увозить ихъ, при-чемъ термиты, будучи слѣпыми, все-таки продолжаютъ свою кропотливую работу.

Если при такихъ сраженіяхъ погибаетъ матка, то всѣ термиты безпомощно расползаются въ разныя стороны и становятся добычей птицъ и мелкихъ животныхъ. Особенные охотники до нихъ и негры. Они роютъ во время такого бѣгства канавы, наливаютъ ихъ водой и собираютъ пригорш-

нями попадающихъ въ нее термитовъ. Ихъ они обжариваютъ на сковородкахъ, какъ кофе, и ѣдятъ ихъ или какъ мы подсолнушки, или-же смѣшивая ихъ съ мукой и приготовляя изъ такого тѣста пирожныя. Иногда, что-бы имѣть такое лакомство всегда подъ рукой, негры переносятъ матку съ частью гнѣзда къ себѣ домой и ставятъ подъ большой глиняный горшокъ. Тогда рабочіе—термиты тотчасъ-же принимаются за дѣло и устраиваютъ надъ маткой сводъ. Какъ только она получаетъ такимъ образомъ безопасность, они тотчасъ-же начинаютъ строить надъ ней новое жилище и начинается новая кладка яицъ. Тогда негръ принимаетъ съ нихъ свой горшокъ и среди его двора скоро является цѣлая пирамида съ миллионами молодыхъ термитовъ. Онъ проводитъ вокругъ нея канаву, наполняетъ ея водой и начинаетъ разбивать киркой новое жилище. Термиты устремляются бѣжать, попадаютъ въ канаву, онъ ловитъ ихъ, поджариваетъ на сковородкѣ и ѣсть. И такъ происходитъ въ теченіе года не разъ.

С. С.

Пристань на Волгѣ.

Модель приложенія къ этому номеру.

Это уже предпоследній номеръ „Золотою Дѣтства“ за текущій годъ. Не забудьте, что съ 1-го Ноября начнется новый подписной годъ съ новыми приложеніями въ краскахъ, съ новыми повѣстями и разсказами и съ массой рисунковъ.

Подписка уже открыта!

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы три слова, означающія:

- 1) Названіе одной изъ комнатъ,
- 2) То, что остается послѣ дождя,
- 3) То, что читаютъ каждый день.

Взять отъ этихъ словъ первые слоги и составить изъ нихъ названіе губернскаго города Россіи.

Какой это городъ?

II.

Задумано слово, которое есть во многихъ городахъ второй его части. А первую его часть распѣваютъ во всѣмъ цѣломъ и во второй его части.

Цѣлое—одно изъ учебныхъ заведеній.

Какое слово задумано?

III.

Что можно только отлить, но нельзя пролить?

IV.

Задуманы четыре слова, означающія:

1) Необдѣланный стволъ срубленнаго дерева.

2) Часть скелета позвоночныхъ животныхъ.

3) Молодое поколѣніе у члвѣка и животныхъ.

4) То, что мы видимъ надъ собою каждый день.

Взять отъ каждаго изъ этихъ словъ по первой и по послѣдней буквѣ. Такимъ образомъ должно получиться четыре слога. Составить изъ нихъ новое слово, означающее названіе села, около котораго происходило извѣстное сраженіе русскихъ съ французами въ 1812 году.

V.

Задача—шутка. Напишите въ Редакцію: какой это номеръ журнала?

VI.

Задуманы три слова, означающія:

1) То, что улаживаетъ нашъ слухъ,

2) Насѣкомое, водящееся въ кухнѣ,

3) Пѣвчую птицу.

Взять отъ перваго слова первый слогъ, отъ второго—второй и отъ третьяго—третій и составить изъ этихъ слоговъ новое слово, которое означаетъ названіе трудолюбиваго насѣкомаго.

Какое это насѣкомое?

VII.

Я стою въ самомъ началѣ осени. Со мной лодки становятся оладьями, а безъ меня окошки ловили бы мышей. Что я такое?

VIII.

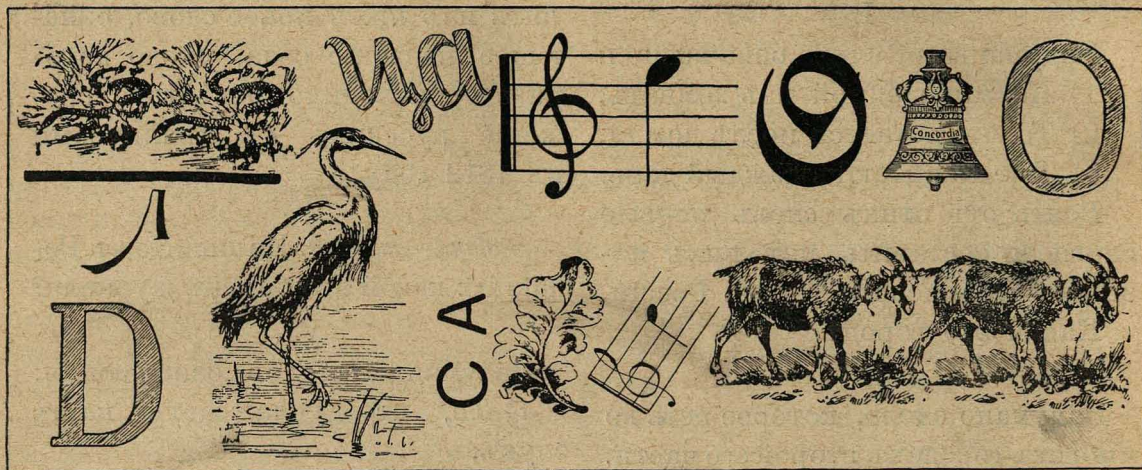
Шли нѣсколько члвѣкъ въ рядъ; одинъ шелъ впереди, одинъ позади, одинъ между двумя и два по сторонамъ. Сколько было всѣхъ?

IX.

Почему крестьяне предпочитаютъ вывозить дрова изъ лѣса именно зимою, а не осенью?

Ребусъ № 22.

(Фамилии подписчиковъ вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе ребуса и головоломокъ, помѣщенныхъ въ № 21, «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I) Чело + вѣкъ = чело-вѣкъ. II) Жито + міръ = Жито-міръ. III) Лошадь становится мокрой, потому что ее выкупаютъ. IV) По полу. V) По воздуху. Отъ того мѣста, изъ котораго полетѣли. VI) ...Вятка, Сама + ра (Самара), ... Ри + га (Рига), ... Ли + бава (Либава), ... Кие + вь (Кіевъ) Нарва, ... Ка + луга (Калуга), ... Ту + ла (Тула). VII) Кость, локоть, платина, солонина, полтина, сталь, пасть, тополь, лань, полька, нитка, синька. Задуманное слово -- Константинополь.

Ребусъ № 20. На + ступа + етъ + + д + урна + я + по + года + и + на + до + рога + хъ + сто + ятъ + к + очки + и + л + ужи + цы. = Наступаетъ дурная погода и на дорогахъ стоятъ кочки и лужицы.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Сережа Лебедевъ изъ Зубцова, Женья Стрекоза, Гени и Лилли Лисицны изъ Дрездена (Германія), Сережа Тушканчикъ и Витя Семеновъ, Толя Курдюмовъ, Нина Вилкина, Ниночка Овчинникова изъ Скопина, Тоня Мельникова со ст. Брянскъ, Павликъ Столбинъ изъ Кременчуга, Володя Германъ изъ Березнеговатаго, Максъ и Морицъ, Зоя Рисманъ, Плишъ и Плумъ, кто-то безъ подписи на голубой бумагѣ съ ласточкой, Аня Арештейнъ, Вова Зенинъ изъ Пензы, Музя Смирнова изъ Калуги, Шура Клестовъ изъ Ржева. Е. Цѣшковскій со ст. Урмары, Коля и Сережа Павловы, Миша и Женья Колотиловы со ст. Выя, Мира Барановскій, Вася Лукьяновъ изъ Евпаторіи, Тоня Михайлова изъ Асхабада, Конрадъ Черноцкій «Золотая рыбка», «Вѣлый Медвѣдь», Лили Ф., Малютка Сира Холмогорцевъ изъ Челябинска; Надя и Вѣра Шашкины изъ Спасскаго, Соня Македонская изъ Диканьскаго лѣса. Махорадзе изъ Сумбатово Тиф. г., Кока Головня въ СПб., Асмаянъ Товмасъ изъ Нахичевани, Вася Юдичевъ изъ Москвы, Муся фонъ-Шлейферъ, Вяча Васильевъ, Шура, Петя и Кока Глубаковскіе въ СПб., Тоня Красовская изъ Лигова.

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на

художественно-литературный журналъ

„ДЛЯ ДѢТЕЙ“ (7—12 лѣтъ),

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

≡ Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія проч. и проч.).
- 12 ВЫРѢЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Книгу „ВЪ УЮТНОМЪ УГОЛКѢ“ (отдѣльными листами).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 26 и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга. Перемѣна адреса—28 коп. почтовыми марками.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Книга съ раскрашенными картинками
„СВѢДАЯ СТАРИНА“

(Легенды о быломъ).

Соч. А. Гербертсонъ.

Рисунки Елены Страттонъ.

Цѣна 60 коп. съ пересылкой

Высылается по первому требованію
изъ редакціи „Золотое Дѣтство“
С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 26.